

Черные собаки Макэвана

Меган ТРЕСИДДЕР

«САНДИ ТЕЛЕГРАФ», ЛОНДОН.

«В ПЯТИ шагах псы оставались. Она поняла, что все время цеплялась за последнюю и единственную надежду, считая страх глупостью. Она поняла это в тот самый момент, когда надежда покинула ее, растворившись в монотонном рычании большой собаки. Та, что поменьше, распласталась на земле и напрягла передние лапы, приготовившись к прыжку. Взгляд остановился на черных десах, с которых тонкой струйкой спадала слюна, и гноящемся желто-красном глазе со слипшейся под ним шерстью».

Это из «Черных собак» Иена Макэвана. А пара собак чуть ли не мифических размеров, которых гестаповцы, как рассказывают, натаскивали на изнасиловании женщин при допросах, — это новейшее видение кошмарного, которое Макэван преподносит читателям в безупречной с литературной точки зрения манере и с леденящей кровью бесстрастностью. Он уже успел шокировать читающую публику таким разнообразием ужасов, что у каждого хотя бы раз волосы встали дыбом, если не от сцены из «Невиновного», где труп расчленяют с помощью пилы, то, возможно, от короткого рассказа «Самодельный» с таким, например, пассажем: «Когда я переводил дух на верхней ступеньке и брался вспотевшей рукой за ручку двери, ведущей в спальню, я уже решил, что изнасилую свою сестру». Би-би-си так и не смогла «переварить» заспиртованный тенис из его рассказа «Пространственная геометрия», который собиравшись экранизировать в 1979 году. От своего замысла корпорация все же отказалась, хотя и провела половину запланированных репетиций.

В «Черных собаках» чувство кошмара нагнетается более изощренно и осторожно. Книга производит сильное и на удивление незабываемое впечатление, хотя повествование и кажется порой несколько вымученным. Речь идет о существовании зла, которое можно победить, действуя рационально. Но в конечном итоге именно собаки, олицетворяющие зло, еще долго продолжают тревожить воображение читателя.

Макэван живет в большом доме викторианского стиля в Оксфорде с женой Пенни и двумя сыновьями. Есть у них еще две дочери от первого брака жены. Пенни только что закончила писать свой первый роман. Она знахарка. На двери дома красуется надпись: «Никаких рекламных проспектов, кроме «Зеленых новостей»».

В свои 44 года Макэван выглядит стопроцентным романистом-интеллектуалом: молодой мужик средних лет с растрепанными седеющими волосами, круглыми очками в тонкой металлической оправе и слегка увлажненными глазами человека, склонного к научному поиску. Макэван невелик ростом и худ (свой отпуск часто проводит в пешеходных походах), с виду застенчив. Он предлагает чай и готовит его по всем правилам — с чайным листом. При этом создается впечатление, что он играет роль какого-то персонажа в пьесе Гарольда Пинтера, поскольку по большей части хранит молчание, лишь изредка прерывая его тщательно продуманными замечаниями. На вопрос о большом серебряном дереве в саду он заговорил о его «хаотической прелести», и это было настолько превосходным определением, что на некоторое время вновь последовала пауза. Макэвану чужда какая бы то ни было напыщенность, но он постоянно погружен в себя и пребывает как бы в полудреме.

Макэван неизменно отрицает, что стремится шокировать публику, и слегка осуждающе бросает: его удивля-

ют люди, которых в наш век можно еще чем-то шокировать. Однако подобный «аргумент» не спасает, ибо читателей он, конечно же, шокирует, больше того, лишает их душевного равновесия. На мой взгляд, Макэван уж слишком «перегибает палку» в коротком рассказе «Бабочки», вызывая у читателя чуть ли не физическое отвращение (сам писатель с этим, правда, не согласен). В рассказе речь идет о мужчине, который заманивает девятилетнюю девочку на берег канала, насилует ее, а потом бросает в реку. При личной встрече с Макэваном тобой овладевает чувство, что он должен как-то объясниться, что ты имеешь право выложить ему все о тех душевных ранах, которые он нанес тебе некоторыми, если не всеми, своими произведениями. За многие годы Макэван научился отвечать на подобные вопросы и ведет себя более самокритично, чем многие другие писатели, более охотно разъясняет свою позицию, хотя подобные объяснения ему явно не по нутру.

Я излагаю свою печаль.

— Если у вас не было намерения шокировать людей, то какой смысл было писать нечто подобное «Бабочкам»?

— Будучи 22-летним молодым человеком, я попытался рассказать страшную историю в такой манере, чтобы читатель оказался как бы в тайном сговоре с писателем, оставляя при этом выводы (которые, правда, напрашиваются сами собой) на совести все того же читателя. Думаю, это высоконаравственный рассказ, и вы просто неправильно его поняли. То, что критики называют моей «индифферентностью истукана», на самом деле — стремление избежать выноса на поверхность повествования неких нравственных постулатов.

— Значит ли это, что вы писали свои книги, будучи в здравом уме и доброй памяти?

— Мне кажется, — отвечает Макэван, — ничуть не раздвоялся, — что я пребывал тогда в очень подавленном состоянии, был до чрезвычайности напуган, робок и болезненно застенчив, а в двадцать с небольшим иногда давал волю чувствам. Во многих отношениях рассказы тех лет были чем-то вроде крышки, соскакивающей с каструли под давлением пара, они появились вследствие долгого молчания и крайне подавленного состояния духа. В отрочестве я был невидим самому себе. В те рассказы вошло много моих собственных страхов: страх от неспособности устанавливать полноценные эмоциональные отношения, многое от одиночества отроческих лет.

Чувство подавленности возникает у него со времени поступления в школу-интернат. До тех пор его детство, прошедшее в военных городках Северной Африки и Сингапура (отец был военным), протекало «вполне счастливо», хотя ему часто приходилось оставаться одному, поскольку он был значительно моложе сводных брата и сестры. Он боялся своего отца, но, по его же словам, был настолько робким ребенком, что его мог испугать любой отец.

К отроческим годам Иен превратился в нескладного и очень неуверенного в себе юношу, вовсе не похожего на молодого героя его первого романа «Цементный сад».

Желание писать пришло к Макэвану лишь тогда, когда он начал готовиться к экзаменам на степень магистра искусств в области художественной литературы в колледже «Ист Ингленд». До этого он преподавал английский в Суссексе. Курс подготовки к сдаче экзамена на степень магистра искусств вел Малколм Брэдбери.

— Мою писанину мы обсуждали в пивных. Это было что-то фантастическое. Я думаю, что каждый писатель испытал однажды такое же нервное

Иен Макэван.

возбуждение, когда кто-то впервые произнес имя его героя так, словно это реальный человек.

Начал Макэван с коротких рассказов и первый свой сборник («Первая любовь, последние обряды») опубликовал, когда ему было 27 лет, а второй («В постели») — 30 лет. После «Цементного сада», написанного в 1978 году (там речь идет о детях, которые прячут труп матери в подвале), выходит роман «Комфорт для посторонних» о садистских половых извращениях, действие его разворачивается в Венеции. К этому времени за Макэваном уже прочно закрепилось прозвище Мак-угрюмый. Затем он пишет сценарий «Ланч землешаца», знаменующий собой поворот автора в сторону политики. Литературные критики высказали предположение, что отказ Макэвана от темы откровенных ужасов (отбросим десять страниц описания расчленения трупа) свидетельствует о смягчении характера, пришедшем с годами и после женитьбы.

— Такой подход кажется мне слишком высокомерным, особенно когда речь идет о критиках вдвое моложе меня. Что значит «повзрослел и больше обижать никого не будет»? Я не думаю, что вообще могу кого-либо обидеть. Когда я пишу, то совсем не думаю о возможной реакции публики — пока не наступает время принять ее во внимание. Мне непонятны писатели, в конце рабочего дня вновь просматривающие те 800 слов, что накропали, и размышляющие, как их примет читатель. По-моему, создавать художественные произведения подобным образом просто невозможно.

Однако в настоящий момент Макэвану как раз и нужно учитывать общественное мнение, поскольку он пишет киносценарий по своему роману «Невиновный». Сцена расчленения трупа, подвергшаяся в печати суровой критике, будет благоразумно исключена.

— Ну, а если бы вам удалось предугадать реакцию ваших читателей на этот роман...

— ...то вымарал ли бы я этот эпизод? — заканчивает за меня фразу слегка улыбаясь, Макэван. — Я думал об этом. Может быть, мне вообще следовало бы опубликовать те восемь страниц отдельно в «Гранте»? Но, по-моему, никто и не просил меня изъять этот эпизод из романа. — уточняет Макэван, глядя на меня с вызовом.

Я не думаю, что он серьезно говорит об отдельной публикации шокировавших публику страниц. Он делает это с единственной целью: показать, что я становлюсь похожей на цензора.

— Я с большим недоверием отношусь к людям, которые подобно слу-

жителям церкви викторианской эпохи задирают нос и вопрошают: «Да, но разве это действительно так уж необходимо?».

Что это? Высокомерие или попытка защитить право самому решать, как работать? Возможно, и то, и другое. Он был довольно резок, защищая «Бабочек», может быть, потому, что эта книга о надругательстве над детьми действует теперь на нервы и ему самому, ставшему отцом. Хорошо известно, что, несмотря на свои левые взгляды, Макэван так и не вступил в лейбористскую партию, ибо «политика — враг воображения». Подвергнув собственной цензуре «Пространственную геометрию», он даже был готов принести в жертву заспиртованный орган. Но Би-би-си отказалась от экранизации его рассказа еще до того, как Макэван решил сообщить им, что готов пойти на компромисс.

После того запрета Макэван вдруг оказался героем в стане преследуемых цензурой писателей, и все из-за какой-то заспиртованной детали.

Несмотря на свой эгоцентризм, Макэван — человек веселый, добрый и открытый. Он шутит над своим «пунктиком» по поводу запятых в первых рассказах, ссылаясь на трилогию Беккета. Все равно, говорят он, ему не жаль, что он написал их. Единственное, что вызывает его раздражение, так это слишком субъективный подход критиков к оценке его работ.

— Никто же не опирается о плечо Джулиана Барнеса и не заглядывает, чем же он там занимается, как это делают со мной, — считает он.

Патологический интерес к собственной персоне он воспринимает как несчастье, но мне лично иногда кажется (по тому, с какой охотой он обсуждает свою «мрачную» репутацию), что ему нравится шокировать людей. А может быть, его хорошее настроение всего лишь способ поддразнить собеседника? В его словах относительно следующей книги, которая будет посвящена детям, чувствуется какая-то двойственность.

— Это будет рассказ о ребенке, который то и дело попадает в такие ситуации, когда начинает видоизменять окружающие его вещи одной лишь силой воображения. Я просто говорю об этом, но когда книга выйдет в свет, вдруг ее снова назовут романом ужасов.

— А он таковым не является? Трупы в нем не расчленяют?

— Нет, пока нет. — Макэван едва заметно улыбается. — А вы считаете, что в новую книгу такую сценку следует вставить?

26.03-1.04.93

Макэван Иен